

САМАРАСКИЯ НОВОСТИ

№ 4835.

Суббота, 1го января 1900 г.

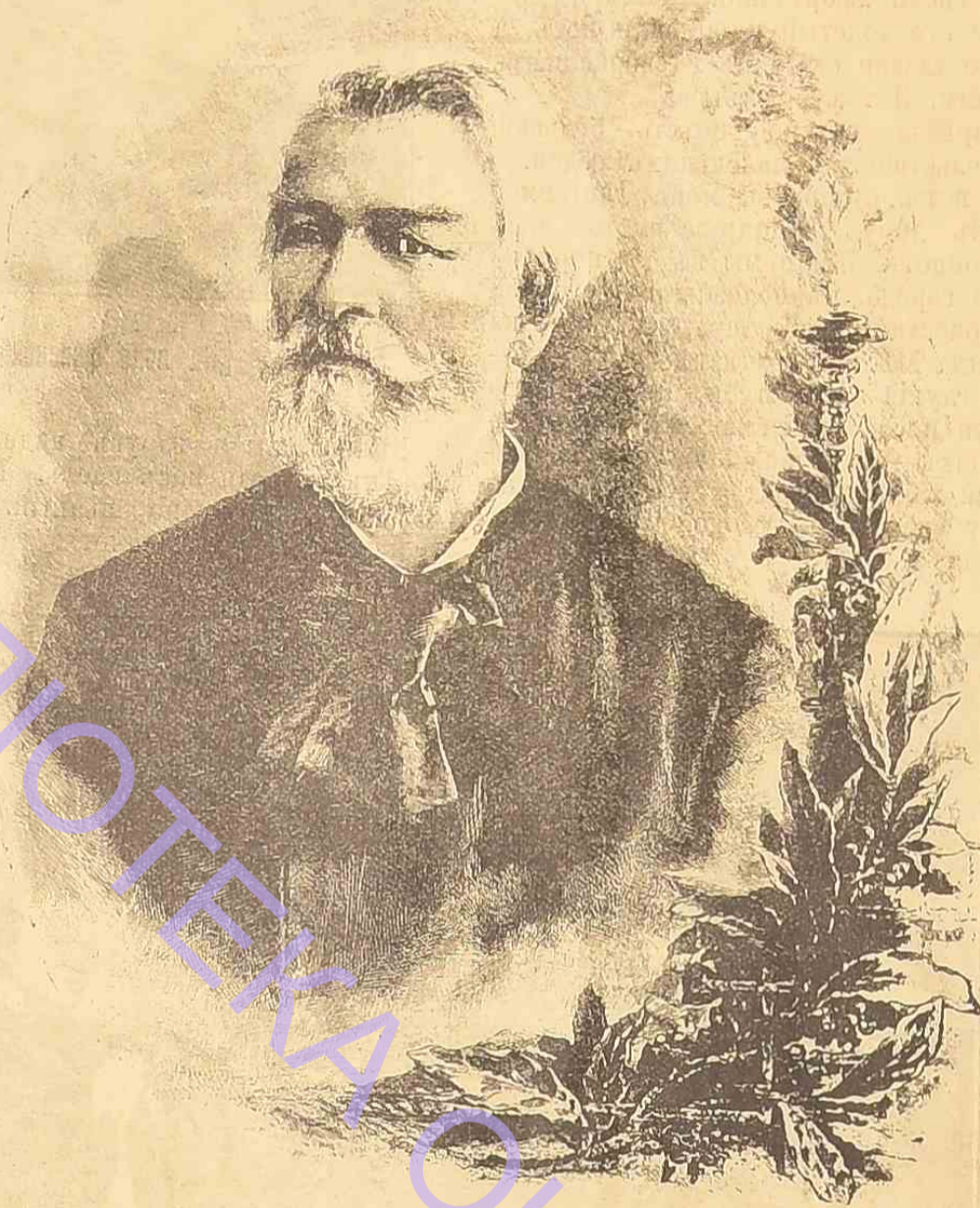
№ 4835.

ВЪ СОЧЕЛНИКЪ

Какъ-то разъ я сидѣлъ въ кабачкѣ съ нѣкимъ человѣкомъ и, скуки ради, уговаривалъ его разсказать мнѣ какую-нибудь исторію изъ его жизни. Собесѣдникъ мой былъ субъектъ невѣроятно изодранный и истертый, — казалось, что онъ всю жизнь свою шель какими-то тѣсными мѣстами и всюду задѣвая своимъ тѣломъ, вслѣдствіе чего костюмъ на немъ превратился въ лохмотья, а тѣло куда-то исчезло, какъ будто его сорвало съ костей. Былъ этотъ человѣкъ тонокъ, угловатъ и совершенно лысъ, — на желтомъ его черепѣ не росло ни одного волоса. Щеки у него провалились, скулы торчали двумя острыми углами и кожа на нихъ была такъ туго натянута, что даже лоснилась, тогда какъ всюду на лицѣ она была сидошъ изрытана тонкими морщинами. Но глаза у него смотрѣли бойко и умно; хрищеватый длинный носъ то и дѣло насмѣшливо вздрагивалъ, и рѣчь этого человѣка очень гладко лилась изъ его устъ полузакрытыхъ жесткими и рыжими усами. Мнѣ думалось, что жизнь его была очень интересна.

— Разсказать вамъ исторію мою? — спросилъ онъ меня сиповатымъ голосомъ. — Такъ-съ... Надо разсказать коли вы угощаете... Но ежели всю исторію — это не годится... чрезмѣрной длины жизнь я прожилъ!.. Скучно слушать и не весело разсказывать... А вотъ кусочекъ, анекдотецъ какой-нибудь могу! Желаете? Хорошо-съ! Но только вы спросите еще парочку пив-

*) Заимствуемъ этотъ новый разсказъ М. Горькаго изъ рождественскаго № „Нижег. Листка“.

Дмитрій Васильевичъ Григорьевъ.
† 22 декабря 1899 г.

ка... за труды мнѣ. Вѣдь иной разъ для человѣка опуститься въ свое прошлое можетъ быть столько-же неприятно, какъ въ помойную яму слазить...

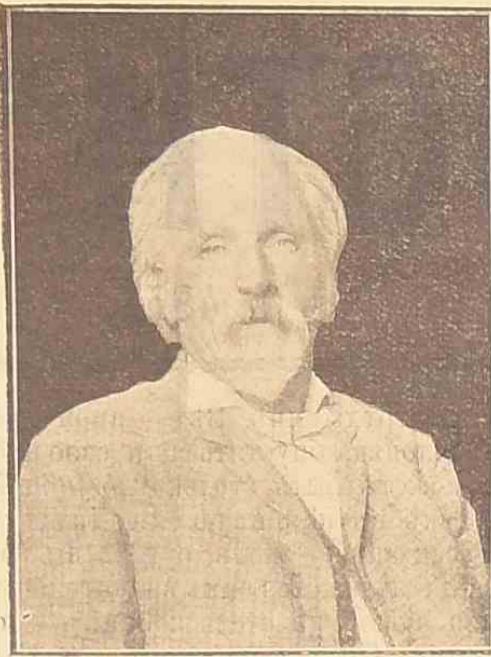
Разсказишко этотъ, сударь вы мой, едва-ли покажется вамъ значительнымъ и для вашей писательской дѣли пригоднымъ. Но для меня онъ... мнѣ онъ нравится. Дѣло, извольте видѣть, весьма простое и вотъ въ чемъ заключается.

Однажды, въ сочельникъ рождественскій мы — я и мой товарищъ Яшка Сизовъ — цѣлый день торчали на улицѣ. Мы предлагали свои услуги разнымъ барынямъ, но часты переноски ихъ покупокъ. Но барыни намъ не внимая, садились на извозчикъ и уѣзжали, — изъ чего вы видите, что намъ съ Яшкой совсѣмъ не везло. Мы также просили милостыню и этимъ способомъ настрѣляли немножко: я 29 коп., изъ которыхъ гривенникъ, данный мнѣ какимъ-то барыномъ на крыльцѣ окружнаго суда оказался фальшивымъ, а Яшка, — парень вообще болѣе талантливый, чѣмъ я, — къ вечеру былъ настоящимъ богачемъ — у него было 11 руб. 76 коп. Эту сумму, по его словамъ, сразу дала ему какая-то барыня, при чемъ она, барыня-то, была такъ великодушна и добра, что подарила Яшкѣ не только деньги, а и кошелекъ и даже носовой платокъ прибавила. Это, знаете, бываетъ. Иногда человѣкъ въ такое состояніе отъ доброты приходитъ, что становится почти полоумнымъ и прямо изувѣчить васъ готовъ своей добротой, только-бы избыть ее...

Когда Яшка разсказывалъ мнѣ объ истинно-христіанскомъ поступкѣ этой барыни, онъ почему-то все оглядывался...

Народы привѣтствуютъ Новый годъ. (Съ картины Шварца).

Проф. Л. Ф. Лагоріо, по случаю 50-тилітняго юбилея художества д'ят.

си вокруг себя—должно быть, хотѣлъ еще разъ поблагодарить добрую душу за щедрую милостыню... И все торопился меня:

— Аида, аида скорѣе! А мы и безъ того бѣзжал слюма головы. Я, вѣдь, существомъ моимъ, каждаго кусочкомъ лизабиата тѣла торопился скорѣе въ тепло. Дулъ втеръ, вметывая снѣгъ съ дороги и сбрасывая его съ крыши; холодныя и острыя колючки летали въ воздухѣ и снапались мнѣ за шиворотъ. Рожу точно ножками скоблило, а меня до того пазблал, что, казалась, стала тоненькой, какъ палецъ, и готова была переломиться при неосторожномъ движеніи, такъ что я все пряталъ ее въ плаечи, боясь потерять голову. Мы оба были одѣты не по сезону, но Яшкѣ было тепло отъ удачи, а мнѣ, отъ зависти, еще холоднѣй...

Я, видите-ли, неудачникъ, чортъ-бы меня взялъ... Одинъ разъ въ жизни моей мнѣ подарили самоваръ, да и то съ горячей водою, такъ что, когда я бѣжалъ съ нимъ, вода ошпарила мнѣ ногу и поэтому я недѣли полторы тѣлился въ тюремной больницѣ. А другой разъ... Ну, да это къ дѣлу не относится...

Такъ вотъ бѣжимъ мы это съ Яшкой вдоль по улицѣ, а онъ все мечтаетъ: — Здорово мы встрѣтимъ праздники! За квартиру заплатимъ... Получи, вѣдьма! И-да... Водки четверти... Окорок-би? Мм... хорошо-бы окорок! У, у! Дорого поди? Ты не знаешь, какъ нынче окорока—въ цѣнѣ?

Я не зналъ. Но я зналъ внутреннюю цѣну окорока, и мы рѣшили приобрести его, мы уговорились пойти покупать его въ ту лавочку, въ которой больше народу. Когда въ лавочкѣ тѣсно отъ покупателей, — значитъ въ ней хороши товаръ, — сего, какъ, бывало, говорили латинцы, можно выбрать вещь по вкусу.

— Позвольте окорок! — кричалъ Яшка, вписываясь въ толпу покупателей. Покажите мнѣ окорок... не изъ крушнхъ, но хорошихъ... Извините и вы мнѣ тоже саданули въ бокъ... Я очень хорошо понимаю, кто тутъ невѣжа... но знаю и то, что здѣсь съ вѣжливостью невозможно... Я не виновенъ, что тутъ неудобно, тѣсно... Что-съ? Я вашъ карманъ щупалъ? Извините! Это ваша рука съ моей встрѣтилась, когда ко мнѣ за пазуху лѣзла... Я покупаю на день-

ви, вы на деньги—стало быть мы оба въ одинаковомъ правѣ...

Яшка такъ вѣлъ себя въ лавкѣ, точно пришелъ покупать цѣлую партію окороковъ, штукъ въ триста. Я-же, пользуясь произведенной имъ суматохой, скромными моими средствами приобрѣлъ коробку мармелада, бутылку прованскаго масла и двѣ большнхъ вареныхъ колбасы...

— Ну, вотъ мы и съ праздникомъ! радовался Яшка.—Пошуримъ!... Онъ подпрыгивалъ на ходу, громко шмыгалъ своей «форточкой», какъ именовался его толстый и широкій носъ, а сѣрые глаза его такъ и сверкали отъ радости. Я тоже былъ радъ...

Первѣдъ вкусно поѣсть—большое удовольствие для маленькихъ людей.

И вотъ, сударь вы мой, двигаемся мы къ дому нашему, а вьюга насъ подгоняетъ. Жили мы въ ту пору на краю города, въ подвальчикѣ у одной благочестивой старушки, торговли на толчкѣ. Мѣста у насъ въ тѣхъ краяхъ глухія были, пустынные; бывало зимой послѣ шести часовъ вечера на улицахъ—ни души! А сиди и почитывай какая-нибудь фигура, такъ ужъ душу свою непременно въ пяткахъ несешь.

«На лонѣ финской природы», съ картины Л. Ф. Лагоріо.

Блжнмъ мы и вдругъ видимъ—человѣкъ впереди насъ идетъ. Идетъ и шатается, очевидно пьяный. Яшка толкнулъ меня и шепчетъ:

— Въ шубѣ!

А встрѣтилъ человѣка въ шубѣ тѣмъ, видите-ли, приятно, что у шубы цуговидъ шубѣ и очень уже легко она сипмается. Идемъ мы сзади этого человека и видимъ—человѣкъ широкоплечій, росту не малаго... Вормочетъ что-то. Мы соображаемъ.

Но вдругъ онъ сразу остановился, такъ что мы чуть ему носами въ спину не воткнулись,—остановился, взмахнулъ руками да какъ, равняется здоровеннѣйшимъ баснищамъ!

— Я то-отъ, кто нитъ-о не любить!

Точно изъ пушки выстрѣлилъ! Мы оба такъ и шарахнулись отъ него. Но ужъ онъ замѣтилъ насъ. Всталъ спиной къ забору,—опытный человѣкъ!—и спрашиваетъ:

— Кто такіе? Жидики?

— Ницаа братья... скромно отвѣтилъ ему Яшка.

— Ницѣ! Это хорошо... Ибо я тоже нищъ... духомъ... Куда идете?

— Въ конурку нашу... сказалъ Яшка.

— И я съ вами! Ибо—куда еще пойду? Некуда мнѣ... Ницѣ! Возьмите меня съ собой! Кормлю и пою васъ... Приютите меня... приласкайте!

— Зови!—шенинулъ мнѣ Яшка.

Я слышалъ въ ревущемъ голосѣ этого человека ноты пьяныя, но слышалъ въ немъ и еще нѣчто—вой и ревъ въ кровь распараннаго большого сердца. У меня есть хорошее чутье драмы, я въ свое время сфлелромъ въ театрѣ служилъ... И я сталъ усердно звать къ себѣ этого ревущаго человека...

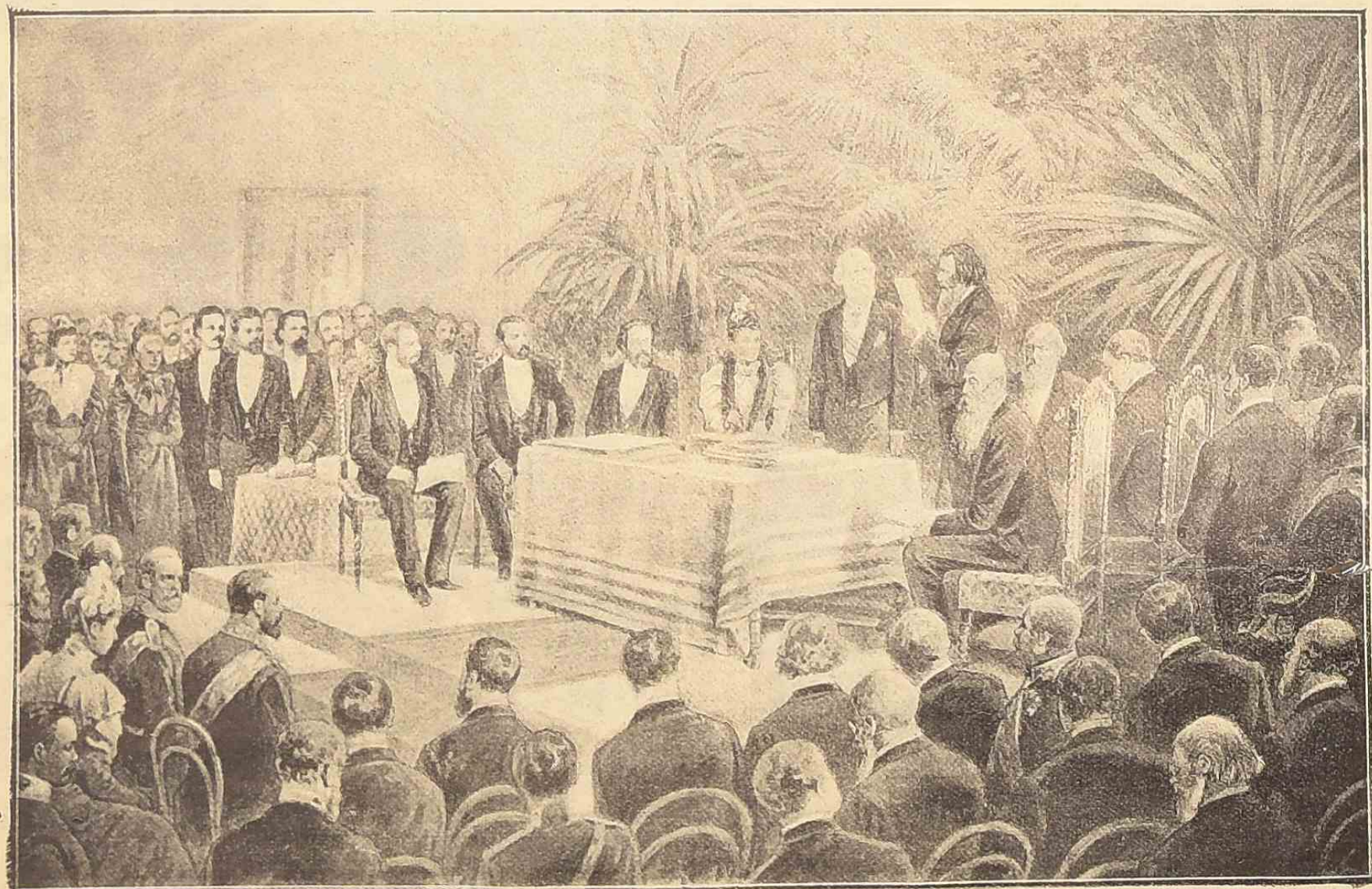
— Иду! Иду къ вамъ, ницѣ! — гудѣлъ онъ во всю силу своей широкой груди.

Мы пошли рядомъ съ нимъ и онъ говорилъ намъ:

— Знаете-ли вы, кто я? Я есть человекъ, бѣгущій праздника! Податной инспекторъ Гончаровъ, Николай Дмитричъ—вотъ я кто! У меня дома есть жена, тамъ дѣти у меня, два сына... и я ихъ люблю... Тамъ цвѣты, картины, книжки... Все это—моя... Все—красиво... Урюно и тепло у меня дома. Вотъ-бы все, что есть у меня дома, вамъ-бы ницѣ. Вы-бы дого прощивали все это... Вы—свиньи, конечно... и пьяница... Но я—не

Гр. Л. Н. Толстой, Л. В. Григоровичъ, И. А. Гончаровъ, Н. С. Тургеневъ, А. В. Дружининъ, А. Н. Островскій. Въ 1856 году.

Чествованіе Д. В. Григоровича въ день празднованія 50-тилітняго юбилея его литературной дѣятельности.

Золотой молотокъ, которымъ пала открывающъ св. ворота въ соборѣ св. Петра въ день торжества вступленія въ свѣтъ годъ.

Торжество вступленія въ «священный годъ».—Пала приступаетъ къ открытію св. воротъ въ соборѣ св. Петра.

Г. Ф. Унгеръ-Ведоровъ, артистъ парижской «Большой оперы». (По повозу предсталихъ гастроль въ Одессѣ).

вы ни были, мнѣ все равно! Я знаю, что вамъ не стыдно жить, — вотъ въ чемъ дѣло! А мнѣ—стыдно! И я бѣжалъ изъ дома отъ стыда...

Вы знаете, сударь мой, болѣзнь есть такая первая, пѣской святаго Вита называется она. Такъ вотъ есть люди, у которыхъ совѣсть болѣетъ этой болѣзью. И я видѣлъ, что инспекторъ именно изъ такихъ людей...

— У меня въ домѣ—все, все устроено на такую порядочную ногу. Это ужасно противно,—жить на порядочную ногу! Все разставлено и развѣшано разъ навсегда и все такъ при-

Принцесса Матильда Баварская

Принцъ Людвигъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій.

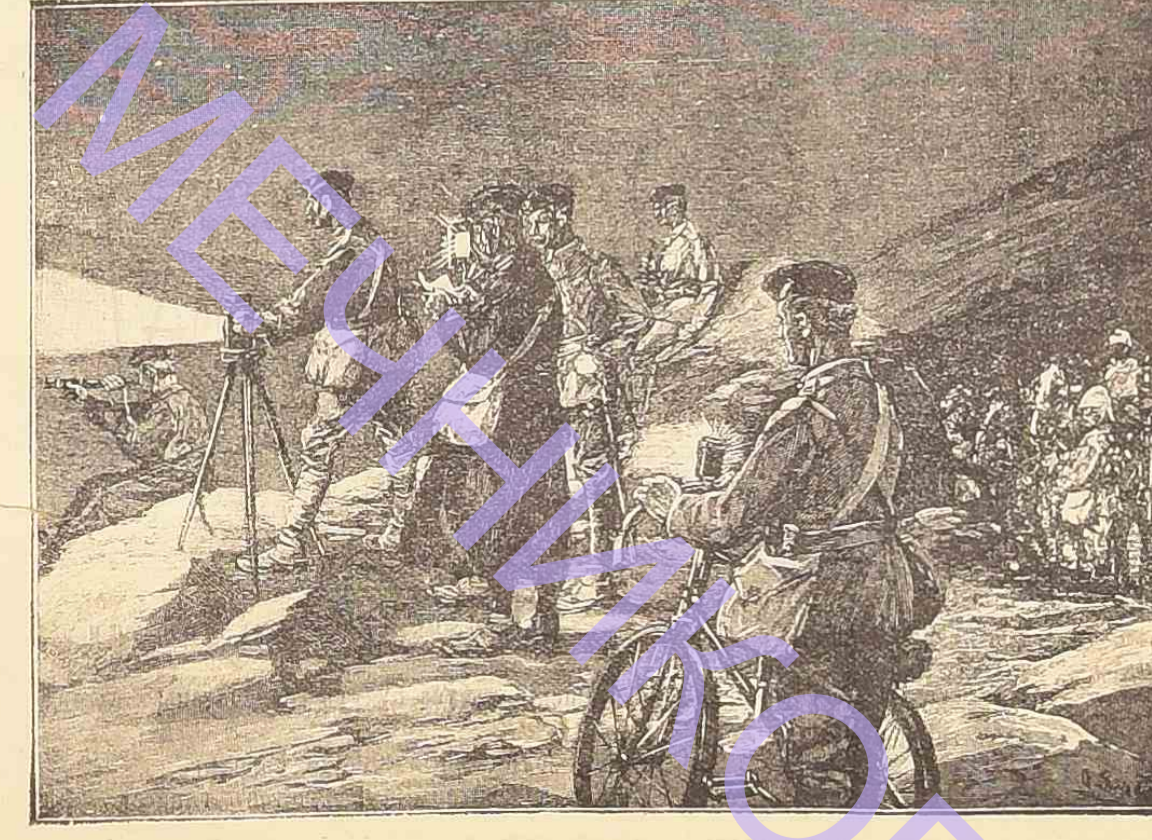
Высоконареченные женихъ и невѣста.

Принцесса Сада и ея женихъ, наслѣдный принцъ Японскій.

росло къ мѣсту, что даже землетрясеніе не способно сдвинуть всѣхъ этихъ ступень, картинъ, этажерокъ... Они пустили корни и въ почву, и въ душу моей жены... Они, деревняныя и бездушныя, вросли въ нашу жизнь и я самъ не могу жить безъ ихъ участія. Вы понимаете? Отъ привычки ко всей этой деревняной дряни—самъ деревеннѣе. Привыкаешь къ ней, заботишься о ней, чувствуешь къ ней жалость, чортъ ее возьми! Она все растетъ и стѣсняетъ васъ, она выталкиваетъ воздухъ вонъ изъ комнатъ и вамъ нечѣмъ дышать. Теперь она—эта армія привычекъ, нарядилась къ празднику, вымыслась, вытерлась и—блеститъ. Противно блеститъ. Она смеется надо мной... Да! Она знаетъ: когда-то у меня было ее всего три: койка, стулъ и столъ. Былъ еще портретъ Герцена... Теперь у меня сотня мебели... Она требуетъ, чтобы на ней сидѣли люди, достойные ея цѣны... Ну, и ко мнѣ являются сидѣть на ней достаточные люди...

Инспекторъ тянулъ стаканъ водки и продолжалъ: — Это все порядочные люди, это полумертвые люди, это благочестивыя

Война на Югѣ Африкѣ.—Подача сигналовъ между 2 отрядами англійскихъ войскъ.

коровы, воспитанныя прѣсными травами съ луговъ російской словесности... Мнѣ съ ними — невыразимо скучно, я задыхаюсь отъ запаса ихъ рѣчей... Я уже все знаю, что могутъ они сказать и знаю, что они ничего не могутъ сдѣлать для того, чтобы стать живѣе, интереснѣе. У—у! Они страшные люди по тупости ихъ душъ... Они всѣ тяжелые такіе, большущіе и слова у нихъ тяжелыя, какъ камни... Они могутъ раздавить человѣка... Когда они приходятъ ко мнѣ, мнѣ кажется, что вотъ меня облаживаютъ кирпичами, хотятъ замуровать въ глухую стѣну... Я ихъ ненавижу... Но я не могу ихъ выгнать вонъ и потому я боюсь ихъ... Ихъ не привлекаю къ себѣ... Я человѣкъ угрюмый, молчаливый... Они приходятъ просто для того, чтобы сидѣть на моей мебели... Я однако и мебель не могу выбросить вонъ — ее любить жена... У меня жена ради мебели и существуетъ, ей Богу! Она уже и сама стала деревянная...

Инспекторъ „хоталъ“ прислонивъ спиной къ стѣнѣ. А Яшка, которому должно быть ужасно скучно было слушать инспекторскія вопли, воспользовавшись перерывомъ въ его разказѣ, сказалъ:

— А вы-бы, ваше благородіе, эту самую мебель изломали объ жену.

— Что?

— Т. е... видите сразу-бы эдакъ — вонъ все!

— Дур-ракъ!

Онъ трихнулъ пьяной головой и опустивъ ее на грудь, просто сказалъ:

— Ужасно тошно! И — какъ я одинокъ! Завтра праздникъ... А я не могу... я не могу быть дома... Рѣшительно не могу!

— У насъ погостите! — предложилъ Яшка.

— У васъ? — Инспекторъ оглянулся вокругъ: — наша квартирнка была насквозь прокопчена и пропитана грязью.

— У васъ тоже гадко... Но, слушайте, вы, черти!.. Мы переедемъ въ гостиницу — идеть? Завтра? И будемъ пьянствовать! Хотите? И будемъ думать... Какъ жить, подумаемъ! Идеть? Ей Богу, — вѣдь надо перестать жить порядочной жизнью, пора! Да? Вы, впрочемъ, жулики, и вамъ это не понятно...

— Я понимаю, въ чемъ дѣло! — ска-

„Новогодній пріемъ“ парижскаго франта.

залъ я инспектору.

— Ты? Ты кто? — спросилъ онъ меня.

— Я тоже бывший порядочный человѣкъ... сказалъ я. — Я тоже испыталъ прелести безмитейнаго и мирнаго житія. И меня выжимали изъ жизни ея мелочи... Они выжали, вытѣснили изъ меня и душу, и все, что въ ней было... я тосковалъ, какъ вы теперь и запыль, и спился... имѣю честь представиться!

Инспекторъ вытаращилъ на меня глаза и долго въ угрюмомъ молчаніи любовался мною. Его толстыя, красныя губы, я видѣлъ, брезгливо вздрагивали подъ пушистыми усами, а

носъ сморщился совсѣмъ нелестно для меня.

— Весь тутъ? — вдругъ спросилъ онъ.

— Весь и — omnia mea mecum porto! — подтвердилъ я.

— Кто же ты такой? — спросилъ онъ, все разсматривая меня.

— Человѣкъ... Всякая сволочь — есть человѣкъ... и наоборотъ...

Я раньше былъ великій мастеръ говорить афоризмами.

— Мм... премодро, — сказалъ инспекторъ, не своди съ меня глазъ.

— Мы народъ тоже образованный, — скромно заговорилъ Яшка. — Мы мо-

жемъ въ... Люди про... — мебели... бимъ... Къ чему... не рожей на стуль... подружитесь съ нами...

— Я? — спросилъ инспекторъ, какъ-то сразу протрезвился.

— Вы! Мы вамъ завтра такія... ны жизни откроемъ...

— Подай мнѣ шубу! — вдругъ призналъ Яшкѣ инспекторъ, поднимаясь на ноги. И на ногахъ олъ стоялъ совершенно твердо.

— Вы куда-же? — спросилъ я.

— Куда?

Онъ съ испугомъ посмотрѣлъ на меня большими, телячьими глазами и вздрогнулъ: точно озябъ.

— Я... домой...

Посмотрѣлъ я на его вытянувшееся лицо и ничего больше не сказалъ. Каждому скоту уготованъ судьбою хлѣвъ по природѣ его, и сколь бы скотъ не лягался, — на мѣствъ, уготованномъ ему, онъ будетъ... хе, хе, хе!

Такъ и ушелъ инспекторъ... Слышали мы, какъ выйдъ на улицу, онъ во все горло рывкнулъ:

Извозчикъ!..

Собесѣдникъ мой замолчалъ и началъ пить пиво медленными глотками.

Выпивъ стаканъ, онъ началъ свистать и барабанить пальцами по столу.

— Ну и что же дальше? спросилъ я.

— Дальше? Ничего... А вы чего ожидали?

— Да... праздника...

— Ахъ, вотъ что! Праздникъ — былъ...

Я не сказалъ, что инспекторъ подарилъ Яшкѣ свой кошелекъ... Въ немъ оказалось 26 рублей съ копейками... Праздникъ былъ...

М. Горькій.

Последнія моды.

Последнія моды.

Въ пользу БЛАГОГО СЕМЕНСТВА

К. Семеновъ	5
Б. Семеновъ	5
Н. Семеновъ	250
И. Семеновъ	1
Л. Семеновъ	4
З. Семеновъ	10
В. Семеновъ	30

ТЫ

ЖИЗНЬ

РУС. БОГАТСТВО

ИСТОРИЯ РУС. СЛОВ

ГРДЗА 31 Декабря.

ЛЕНА

ЛЕНА

ЛЕНА

ЛЕНА

Рѣшеніе будетъ помѣщено въ слѣдующемъ воскресномъ приложеніи «Одес. Нов.».

Имена приславшихъ вѣрное рѣшеніе ребуса будутъ напечатаны въ томъ-же номерѣ.

Рѣшеніе ребуса № 1: Между слѣвыми и вшивой король.

Рѣшеніе ребуса № 2: Борьба классиковъ и реалистовъ тнается.